

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ АРСЕНИЙ ЗАМОСТЬЯНОВ

СКАЗКИ О ЛЕНИНЕ

РОДИТЕЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ

Петр Рябинин-Андреев
Зоя Ивановна Воскресенская
Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич
Борис Викторович Шергин
Нисон Александрович Ходза
Александр Терентьевич Кононов
Мария Павловна Прилежаева
Сергей Петрович Алексеев
Михаил Михайлович Зощенко
Александр Трифонович Твардовский
Арсений Александрович Замостьянов
Сказки о Ленине
Серия «Родительское собрание»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70366561
Сказки о Ленине: Родина; 2023
ISBN 978-5-00222-137-0

Аннотация

Владимир Ильич Ленин – один из главных героев детской литературы. Впервые под одной обложкой собраны лучшие

сказки и детские истории, посвященные Ленину. О нём писали лучшие советские детские писатели. В этих рассказах – и семейные истории, и настоящие детективы, и очерки, помогающие познать мир, и волшебные сказочные сюжеты, созданные в народной гуще. Эта книга приобщает и к чтению, и к познанию истории России. И без нравоучений, а в захватывающем приключенческом стиле.

Содержание

Герой на все времена	6
Как Ленин наказал обидчика крестьянского	14
Орлиное перо	16
Солнечный камень	25
Богатырева рукавица	34
Старых гор подаренье	43
Ленин не умер – он жив!	58
Ленин сделал людей счастливыми	61
Как родился Ленин	65
Смерть бога	67
Ленин сделал вольной киргизскую степь	69
Ленин и Искандер	74
Скоро проснётся Ильич	77
Ленин и Кучук-адам	82
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Сказки о Ленине
Автор-составитель
Замостьянов Арсений
Александрович

© Замостьянов А.А., 2023

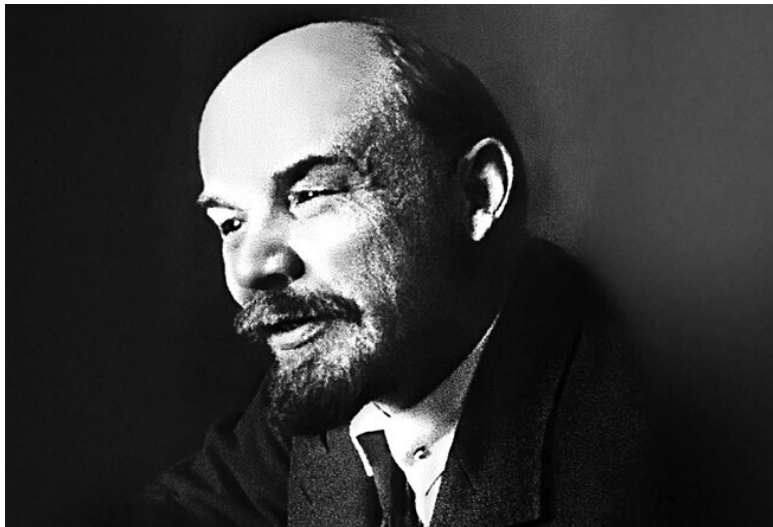
© ООО «Издательство Родина», 2023

* * *

Герой на все времена

Одним из главных слов XX века было слово «лениниана». Это литературные произведения, кино, картины, посвящённые основателю советского государства. А жемчужиной ленинианы были сказки, рассказы, повести и стихи, обращённые к детям. Ведь именно им предстояло подхватить знамя Ильича и реализовать его заветы, его мечты. Как правило, никто не заставлял читать эти сказки и рассказы. Они увлекали. Ведь жизнь Ленина полна приключений, эмоций, борьбы. Тут трудно остаться равнодушным.

Несколько поколений начинали учиться читать со строк, посвященных Владимиру Ильичу Ленину. Их написала вдова вождя – Наталья Крупская:

Владимир Ильич Ленин

«В комнате на стене висит портрет.

Вася сказал отцу:

– Папа, расскажи мне про него.

– А ты знаешь, кто это?

– Знаю. Это Ленин.

– Да, это Владимир Ильич Ленин. Наш любимый, родной, наш вождь.

Ну, слушай. Был я молод. Плохо жилось тогда нам, рабочим. Работа была тяжёлая. Работали мы с утра до поздней ночи, а жили впроголодь. Много нас на заводе работало. Хозяин завода был Данилов. Он не работал. Спины не гнул,

а жил он ох как богато!

Откуда всё было у него? Мы на него работали. Он нам за работу платил мало – прямо сказать, грабил нас. На нашем труде наживался. У него завод был, деньги, машины, а у нас ничего, кроме наших рабочих рук, не было.

Вот и приходилось к нему на работу идти. Не только на заводе Данилова так было. Так было и на всех заводах и фабриках.

В деревне крестьянам тоже плохо жилось. У них земли было мало, а у помещиков – много. Крестьяне на помещиков работали. Помещики жили богато, а крестьяне бедно.

Помещики и капиталисты были заодно. Заодно с ними был и самый главный, самый богатый помещик – царь. Он над всеми хозяином был. Такие порядки заводил, которые были хороши только для помещиков и капиталистов. А рабочим и крестьянам от этих порядков было очень трудно жить.

Владимир Ильич Ленин был другом, товарищем рабочих. Он хотел все порядки изменить. Хотел, чтобы все, кто работает, стали жить хорошо. Ленин боролся за рабочее дело.

Ленин стал собирать тех, кто стоял за рабочих. Всё больше их становилось, всё крепче становилась рабочая партия – партия коммунистов».

Суховатый, но дельный политический ликбез, на котором основывались наши представления о родной стране.

В то время Россия была, по преимуществу, сельской страной. Это касается и других республик СССР. Поэтому

огромное значение имел фольклор – сказки и легенды, которые передавались из уст в уста. И Ленина – человека, изменившего ход мировой истории – в них представляли волшебным существом, непобедимым богатырем. Такие сказки присущи всем народам Советского Союза, национальный колорит добавлял им занимательности. Ленинский фольклор изучали и изучают филологи и историки. Это настоящий феномен. Конечно, не все сказки появлялись непосредственно в народной гуще, многие из них сочиняли писатели, филологи – в фольклорном духе. И запускали в народ. Возможно, некоторые истории в сказочном духе покажутся вам несколько наивными. Но это – памятник нашей культуры.

Не менее известными становились и сюжеты, появлявшиеся в книгах, изящно обработанные литературным пером. Гимназист Ульянов, Ленин, обманывающий жандармов, Ленин и печник, Ленин на елке, Ленин на субботнике, Ленин на охоте, Ленин в горках – все эти сюжеты в советской стране знал каждый ребенок.

Об одном из них поэт Виссарион Саянов писал:

Когда в Георгиевском зале
Заводят быстрый хоровод
И песня счастья рвётся в дали,
Я вспоминаю давний год,
И снова вижу ёлку в Горках
Для деревенских малышей,
Старух в тулупах и опорках,

Приведших к Ленину детей,
Как будто к бабушке родному.
Как будто в свой отцовский дом,
К нему пленительно живому.
Чей шаг в веках мы узнаём.
Он был тогда смертельно болен,
А всё светился лаской взгляд...
Он этой встречей был доволен
И звонким, чистым песням рад.
Смеялись девочки лукаво
И пели песни вперебой,
Был Дед Мороз красив на славу –
Мальчишка с белой бородой,
И всех лесов окрестных ели
В сиянье звёздного луча
До ночи с завистью глядели
На эту ёлку Ильича.
На ней горели ярко свечи
И розы пышные цвели...
А он мечтал в тот давний вечер
О счастье всех детей земли.

Писатели, создававшие детскую лениниану, опирались на воспоминания, старались недалеко отступать от фактов. Например, кремлевский курсант Ф. Шаргородский вспоминал: «Я стоял на посту у входа в Совнарком. В школе был недавно. Ильича видел один раз, да и то ночью...

Помню, мимо меня сновали по коридору служащие СНК

и ВЦИК'а показывали пропуска и быстро проходили вечно занятые.

Солнечный луч проник через окно и играл, поблескивал на штыке. Был обеденный перерыв. Улеглась деловая сумятица.

Вдруг мое внимание было привлечено чьими-то быстрыми шагами, гулко раздававшимися по коридору. Вот из-за угла коридора показался широкоплечий человек и быстро прошел мимо меня. Лишь когда он отошёл от меня на порядочное расстояние я вспомнил, что не спросил пропуска. Я крикнул вслед уходящему: «Эй, товарищ, вернитесь!» Погружённый в думы широкоплечий человек продолжал удаляться, очевидно, не расслышав моих слов. Я повторил снова более громко. Тогда он повернулся в мою сторону и, приблизившись, спросил:

– Вы разве меня не знаете?

– А кто вас знает. Тут за день сотни проходят, – ответил я с сердцем.

Он подал мне книжку. Читаю и глазам не верю... Предсовнаркома и т. д. и т. д. Я страшно смутился. Владимир Ильич, видя мое смущение, весело рассмеялся.

– Ничего, ничего, товарищ, вы правы, – сказал он и удалился». Этот сюжет дал пищу сразу нескольким беллетристам.

А Максиму Горькому вспомнилась такая история: «В тяжёлом, голодном девятнадцатом году Ленин стыдился есть

продукты, которые присылали ему товарищи, солдаты и крестьяне из провинции. Когда в его неуютную квартиру приносили посылки, он морщился, конфузился и спешил раздать муку, сахар, масло больным или ослабевшим от недоедания товарищам. Приглашая меня обедать к себе, он сказал:

– Копчёной рыбой угощу – прислали из Астрахани.

И, нахмутив сократовский лоб, скосив в сторону всевидящие глаза, добавил:

– Присылают, точно барину! Как от этого отвадишь? Отказаться, не принять – обидишь. А кругом все голодают». Этот сюжет тоже стал основой нескольких рассказов. И это не выдумка! Самые фантастические рассказы о Ленине, на поверку, оказываются связанными с реальностью.

О Ленине писали замечательные мастера слова. Не только всем известный Михаил Зощенко, но и Зоя Воскресенская – писательница, вошедшая и в историю литературы, и в летопись разведки. Она создала образ семьи Ульяновых. Литераторы, писавшие о Ленине, создавали идеологию страны, а это дело ответственное. Самое любопытное, что, например, Мария Павловна Прилежаева вступила в партию незадолго до своего пятидесятилетия, хотя была искренней и убежденной коммунисткой. И в этом ее отличие от многих ораторов и идеологов Перестройки, вступивших в партию почти в младенческом возрасте, а потом ставших ярыми противниками коммунистической идеи. Прилежаева отно-

силась к своим убеждениям и к партийному билету серьезнее. А книги о Ленине у нее (как и у Зои Воскресенской) получались не только «правильные», но и душевные.

Не стоит думать, что рассказы и повести о Ленине слишком нравоучительны и прямолинейны. Это настоящая первоклассная детская литература – с приключениями, с познанием мира, с умением видеть красоту природы, красоту человеческого труда, ценить честность и дружбу. Некоторые сюжеты читаются, как захватывающие детективы, некоторые учат юмору, заставляют улыбнуться. Ведь и Ленин был человеком бурного юмора! Конечно, писателям важно было показать, как любил и понимал детей Владимир Ильич. Но это действительно было присуще Ленину.

Уверен, что такая книга сегодня нужна. Этот пласт нашей литературы незаслуженно забыт, его хранят в каком-то заколоченном чулане. А ведь это остросюжетные истории, которые могут привить литературный вкус и ввести в мир отечественной истории XX века, такой актуальной и важной для нас.

Сегодня дети мало читают. Думаю, многие из этих рассказов – лаконичных, простых и веселых – могут заинтересовать даже современного школьника.

Это интересное чтение!

*Арсений Замостьянов, заместитель главного редактора
журнала «Историк»*

Как Ленин наказал обидчика крестьянского

Владимирская сказка

Был у Ленина товарищ-друг что ни есть первейший – раз-верстки комиссар. И вот сказали Ленину, что друг-то его этот обижает мужиков да живет несправедливо, добро народное не бережет.

Призвал его Ленин и говорит:

– Друг ты мой, верно ли это?

Тот молчит, голову опусти.

А Ленин ему:

Ленин и крестьянские дети

– Мужика теснить ты права не имеешь. Потому мужик – большая сила в государстве, от него и хлеб идет. Значит, как друга своего я наказать тебя должен примерно.

Поцеловал тут Ленин друга-то, попрощался с ним, отвернулся и велел расстрелять его.

Вот он, Ленин-то, какой... Справедливость любил.

Орлиное перо

Уральский сказ

В деревне Сарапулке это началось. В недавних годах. Вскорости после гражданской войны. Деревенский народ в те годы не больно грамотен был. Ну, все-таки каждый, кто за советскую власть, придумывал, чем бы ей пособить.

В Сарапулке, известно, от дедов-прадедов привычка осталась в камешках разбираться. В междупарье, али еще когда свободное время окажется, старики непременно этими камешками занимались. Про это вот вспомнили и тоже артелку устроили. Стали графит добывать. Вроде и ладно пошло. На тысячи пудов добычу считали, только вскоре забросили. Какая тому причина: то ли графит плохой, то ли цена неподходящая, этого растолковать не умею. Бросили и бросили, за другое принялись – на Адуй наметились.

Адуйское место всякому здешнему хоть маленько ведомо. Там главная приманка – аквамаринчики да аметистишки. Ну и другое попадается. Кто-то из артелки похвастал: «Знаю в старой яме щелку с большой надеждой». Артельщики на это и поддались. Сперва у них гладко пошло. Два ли, три занорыша нашли. Решеточных! Решетками камень считали. На их удачу глядя, и другие из Сарапулки на Адуй кинулись: нельзя ли, дескать, и нам к тому припаиться. Яма

большая, — не запретишь. Тут, видно, и вышла не то фальшь, не то оплошка. Артелка, которая сперва старалась, жилку потеряла. Это с камешками часто случается. Искали искали, не нашли. Что делать? А в Березовске в ту пору жил горщик один. В больших уж годах, а на славе держался. Артельщики к нему и приехали. Обсказали, в каком месте старались, и просят:

— Сделай милость, Кондрат Маркелыч, поищи жилку!

Угощение, понятно, поставили, словами старика всяко задабривают, на обещанья не скупятся. Тут еще березовские старатели подошли, выхваляют своего горщика:

— У нас Маркелыч на эти штуки дошлый. По всей округе такого не найдешь!

Приезжие, конечно, и сами это знают, только помалкивают. Им наруку такая похвальба: не расшевелит ли она старика. Старик все-таки наотрез отказывается:

— Знаю я эти пережимы на Адуе! Глаз у меня теперь их не возьмет.

Артельщики свой порядок ведут. Угощают старика да наговаривают: одна надежда на тебя. Коли тебе не в силу, к кому пойти? Старику лестно такое слушать, да и стаканчиками зарядился. Запошевеливал плечами-то, сам похваляться стал: это нашел, другое нашел, там место открыл, там показал. Одним словом, дотолкали старика. Разгорячился, по столу стукнул:

— Не гляди, что старый, я еще покажу, как жилки искать!

Артельщикам того и надо.

– Покажи, Кондрат Маркелыч, покажи, а мы в долгу не останемся. От первого занорыша половина в твою пользу.

Кондрат от этого в отпор.

– Не из-за этого стараюсь! Желаю доказать, какие горщики бывают, ежели с понятием которых.

Правильно слово сказано: пьяный похвалился, а трезвому отвечать. Пришлось Маркелычу на Адуи идти. Расспросил на месте, как жилка шла, стал сам постукивать да смекать, где потерю искать, а удачи нет. Артельщики, которые старика в это дело втравили, видят-толку нет, живо от работы отстали. Рассудили по-своему:

– Коли Кондрат найти не может, так нечего и время терять.

Другие старатели, которые около той же ямы колотились, тоже один за другим отставать стали. Да и время-то подошло покосное. Всякому охота впору сенца поставить. На Адуи-ских-то ямах людей, как корова языком слизнула: никого не видно. Один Кондрат у ямы бьется. Старик, видишь, самондравный. Сперва-то он для артельщиков старался, а как увидел, что камень упирается, не хочет себя показать, старик в азарт вошел:

– Добьюсь своего! Добьюсь!

Не одну неделю тут старался в одиночку. Из сил выбиваться стал, а толку не видит. Давно бы отстать надо, а ему это зазорно. Ну, как! Первый по нашим местам горщик не мог

жилку найти! Куда годится? Люди засмеют. Кондрат тогда и придумал:

– Не попытать ли по старинке?

В старину, рассказывают, места искали рудознатной лозой да притягательной стрелой. Лоза для всякой руды шла, а притягательная стрела – для камешков. Кондрат про это сызмала слышал, да не больно к тому приверженность оказывал, – за пустяк считал. Иной раз и посмеивался, а тут решил попробовать.

– Коли не выйдет, больше тут и топтаться не стану.

А правило такое было. Надо наконечник стрелы сперва магнит – камнем потереть, потом поисковым. Тем, значит, на который охотишься. Слова какие-то требовалось сказать. Эту заговоренную стрелу пускали из простого лучка, только надо было глаза зажмурить и трижды повернуться перед тем, как стрелу пустить.

Кондрат знал все эти слова и правила, только ему вроде стыдно показалось этим заниматься, он и придумал пристроить к этому своего не то внучонка, не то правнучка. Не поленился, сходил домой. Там, конечно, виду не показал, что по работе незадача. Какие из березовских старателей подходили с разговором, всех обнадеживал: – на недельку еще сходить придется.

Сходил, как полагается, в баню, попарился, полежал денек дома, а как стал собираться, говорит внучонку:

– Пойдешь, Мишунька, со мной камешки искать?

Мальчонку, понятно, лестно с дедушкой пойти.

– Пойду, – отвечает. Вот и привел Кондрат своего внучонка на Адуи. Сделал ему лучок, стрелу-по всем старинным правилам изготовил, велел Мишуньке зажмуриться, покрутиться и стрелять, куда придется. Мальчонка рад стараться. Все исполнил, как требовалось. До трех раз стрелял. Только видит Кондрат – ничего путного не выходит. Первый раз стрела в пенек угодила, второй – в траву пала, третий – около камня ткнулась и ниже скатилась. Старик по всем местам поковырялся маленько. Так, для порядка больше, чтоб выполнить все по старинке. Мишунька, понятно, тем лучком да стрелой играть стал. Набегался, наигрался. Дедушко покормил его и спать устроил в балагашке, а самому не до сна. Обидно. На старости лет опозорился. Вышел из балагашка, сидит, раздумывает, нельзя ли еще как попытаться. Тут ему и пришло в голову: потому, может, стрела не подействовала, что не той рукой пущена.

– Мальчонка, конечно, несмысленыш. Самый вроде к тому делу подходящий, а все-таки он не искал, потому и показа нет. Придется, видно, самому испробовать.

Заговорил стрелу, приготовил все, как требовалось, зажмурил глаза, покрутился и спустил стрелу. Полетела она не в ту сторону, где яма была, а на тропке оказался какой-то проходящий. Идет налегке. На руке только корзинка корневая, в каких у нас ягоды носят. Подхватил прохожий стрелу, которая близенько от него упала, и говорит с усмешкой:

– Не по годам тебе, дедушка, ребячьей забавой тешиться.
Не по годам!

Кондрату неловко, что его за таким делом застали, говорит всердцах:

– Проходи своей дорогой! Тебя не касаемо.

Прохожий смеется.

– Как не касаемо, коли чуть стрелой мне в ногу не угодил.

Подошел к старику, подал стрелу и говорит укорительно, а то со смешком:

– Эх, дед, дед! Много прожил, а присловья не знаешь: то не стрела, коя орлиным пером не оперена.

Маркелычу этот разговор не по нраву. Серdito отвечает:

– Нет по нашим местам такой птицы! Неоткуда и перо брать.

– Неправильно, – говорит, – твое слово. Орлиное перо везде есть, да только искать-то его надо под высоким светом.

Кондрат посомневался:

– Мудришь ты! Над стариком, гляжу, посмеяться надумал, а я ведь в своем деле не хуже людей разумею.

– Какое, – спрашивает, – дело?

Старик тут и распоясался. Всю свою жизнь этому человеку рассказал. Сам себе дивится, а рассказывает. Прохожий сидит на камешке, слушает да подгоняет:

– Так, так, дедушка, а дальше что?

Кончил старик свой рассказ. Прохожий похвалил:

– Честно, дед, поработал. Много полезного добыл, а стре-

лу зачем пускал?

Кондрат и это не потаил. Прохожий поглядел этак вприщур, да и говорит:

– То-то и есть. Орлиного пера твоей стреле не хватает.

Кондрат тут вовсе рассердился. Обидно показалось. Всю, можно сказать, жизнь выложил, а он с перьями своими! Закричал этак сердито:

– Говорю, нет по нашим местам такой птицы! Не найдешь пера! Глухой ты, что ли?

Прохожий усмехнулся, да и спрашивает:

– Хочешь, покажу?

Кондрат, понятно, не поверил, а все-таки говорит:

– Покажи, коли умеешь, да не шутишь. Прохожий тут достал из корзинки камешек кубастенький. Ростом кулака в два. Сверху и снизу ровнехонько срезано, а с боков обделано на пять граней. В потемках не разберешь, какого цвету камень, а по гладкой шлифовке – орлец. На верхней стороне чуть видны беленькие пятнышки, против каждой грани. Поставил прохожий этот камешек рядом с собой, задел пальцем одно пятнышко, и вдруг их светом накрыло, как большим колоколом. Свет яркий-яркий, с голубым отливом, а что горит – не видно. Световой колокол не больно высок. Так в три либо четыре человеческих роста. В свету мошкеры вьется видимо-невидимо, летучие мыши шныряют, а вверху пташки пролетают, и каждая по перышку роняет. Перышки кружатся, на землю падать не торопятся.

– Видишь, – спрашивает, – перья?

– Вижу, – отвечает, – только это вовсе не орлиные.

– Правильно, не орлиные, а больше воробьиные, – говорит прохожий и объясняет; – Это твоя жизнь, дед, показана. Трудился много, а крылышки маленькие, слабые, на таких высоко не подняться. Мошкара глаза забивает, да еще всякая нечисть мешает. А вот гляди, как дальше будет.

Задел опять пальцем которое-то пятнышко, и световой колокол во много раз больше стал. К голубому отливу зеленый примешался. Под ногами будто первый пласт земли сняли, а сверху птицы пролетают. Пониже утки да гуси, повыше журавли, еще выше – лебеди. Каждая птица по перу сбрасывает, и эти перья книзу ровнее летят, потому – вес другой.

Прохожий еще задел пальцем пятнышко, и световой колокол раздался и ввысь взлетел. Свет такой, что глаза слепит. Голубым, зеленым и красным отливает. На земле на две сажени в глубину все видно, а сверху птицы плывут. Каждая в свету перо роняет. Те перья к земле, как стрелы, летят и у самого того места, где камешек поставлен, падают. Прохожий глядит на Кондрата, улыбается светленько и говорит:

– И выше орла, дед, птицы есть, да показать опасаясь: глаза у тебя не выдержат. А пока попытай свою стрелу!

Подобрал с земли столько-то перьев, живо пристроил, будто век таким делом занимался, и наказывает старику:

– Опускай в то место, где жилку ждешь, а зажмуривать глаза да крутиться не надо.

Кондрат послушался. Полетела стрела, а яма навстречу ей раскрылась. Не то что все каменные жилки-ходочки, а и занорыши видно. Один вовсе большой. Аквамаринов в нем чуть не воз набито, и они как смеются. Старик, понятно, расстроился, побежал поближе посмотреть, а свет и погас. Маркелыч кричит:

– Прохожий, ты где?

А тот отвечает:

– Дальше пошел.

– Куда ты в темень такую? Хитники пообидеть могут. Неровен час, еще отберут у тебя эту штуку! – кричит Маркелыч, а прохожий отвечает:

– Не беспокойся, дед! Эта штука только в моих руках действует да у того, кому сам отдам.

– Ты хоть кто такой? – спрашивает Маркелыч.

А прохожий уж далеко. Едва слышно донеслось:

– У внучонка спроси. Он знает.

Мишунька весь этот ночной случай не проспал. Светом-то его разбудило, он и глядел из балагашка. Как дедушко пришел, Мишунька и говорит:

– А ведь это, дедушко, у тебя был Ленин!

Старик все-таки не удивился.

– Верно, Мишунька, он. Не зря люди сказывают – ходит он по нашим местам. Ходит! Уму-разуму учит. Чтоб не больно гордились своими крылышками, а к высокому свету тянулись. К орлиному, значит, перу.

Солнечный камень

Уральский сказ

Против нашей Ильменской каменной кладовухи, конечно, по всей земле места не найдешь. Тут и спорить нечего, потому – на всяких языках про это записано: в Ильменских горах камни со всего света лежат.

Такое место, понятно, мимо ленинского глаза никак пройти не могло. В 20-м году Владимир Ильич самоличным декретом объявил здешние места заповедными. Чтоб, значит, промышленников и хитников всяких по заливку, а сберегать эти горы для научности, на предбудущие времена.

Ленин за работой

Дело будто простое. Известно, ленинский глаз не то, что по земле, под землей видел. Ну, и эти горы предусмотрел. Только наши старики-горщики все-таки этому не совсем верят. Не может, дескать, так быть. Война тогда на полную силу шла. Товарищу Сталину с фронта на фронт поспешать приходилось, а тут вдруг камешки выплыли. Без случая это дело не прошло. И по-своему рассказывают так.

Жили два артельных брата: Максим Вахоня да Садык Узеев, по прозвищу Сандугач. Один, значит, русский, другой

из башкирцев, а дело у них одно – с малых лет по приискам да рудникам колотились и всегда вместе. Большая, сказывают, меж ними дружба велась, на удивление людям. А сами друг на дружку нисколько не походили. Вахоня мужик тяжелый, борода до пупа, плечи ровно с подставышем, кулак – глядеть страшно, нога медвежья, и разговор густой, буторовый. Потихоньку загудит, и то мух в сторону на полсажени относит, а характеру мягкого. По пьяному делу, когда какой заноза раздражит, так только пригрозит:

– Отойди, парень, от греха! Как бы я тебя ненароком не стукнул.

Садык ростом не вышел, из себя тончавый, вместо бородавки семь волосков, и те не на месте, а жилу имел крепкую. Забойщик, можно сказать, тоже первой статьи. Бывает ведь так-то. Ровно и поглядеть не на кого, а в работе податен. Характера был веселого. Попеть, и поплясать, и на курае подудеть большой охотник. Недаром ему прозвище дали Сандугач, по-нашему соловей.

Вот эти Максим Вахоня да Садык Сандугач и сошлись в житье на одной тропе. Не все, конечно, на казну да хозяев добывали. Бывало и сам-друг пески перелопачивали, – свою долю искали. Случалось и находили, да в карманах не залежалось. Известно, старательскому счастью одна дорога была показана. Прогуляют все, как полагается, и опять на работу, только куда-нибудь на новое место: там, может, веселее.

Оба бессемейные. Что им на одном месте сидеть! Собрали

котомки, инструмент прихватили – и айда.

Вахоня гудит:

– Пойдем, поглядим, в каком месте люди хорошо живут.

Садык веселенько шагает да посмеивается:

– Шагай, Максимка, шагай! Новым мистам залотой писок сама рукам липнет. Дарогой каминь барадам скачит. Один раз твой барада полпуда станит.

– У тебя, небось, ни один не задержится, – отшучивался Вахоня и лешачиным обычаем гогочет: хо-хо-хо!

Так вот и жили два артельных брата. Хлебнули сладкого досыта: Садык в работе правый глаз потерял, Вахоня на левое ухо совсем не слышал.

На Ильменских горах они, конечно, не раз бывали.

Как гражданская война началась, оба старика в этих же местах оказались. По горняцкому положению, конечно, оба по винтовке взяли и пошли воевать за советскую власть. Потом, как Колчака в Сибирь отогнали, политрук и говорит:

– Пламенное, дескать, вам спасибо, товарищи-старики, от лица советской власти, а только теперь, как вы есть инвалиды подземного труда, подавайтесь на трудовой фронт. К тому же, – говорит, – фронтовую видимость нарушаете, как один кривой, а другой глухой.

Старикам это обидно, а что поделаешь? Правильно политрук сказал:

– Надо поглядеть, что на приисках делается. Пошли сразу к Ильменям, а там народу порядком набилось, и все хи-

та самая последняя. Этой ничего не жаль, лишь бы рублей побольше зашибить. Все ямы, шахты живо засыплет, коли выгодно покажется. За хитой, понятно, купец стоит, только себя не оказывает, прячется. Заподумывали наши старики – как быть? Сбегали в Миас, в Златоуст, обсказали, а толку не выходит. Отмахиваются:

– Не до этого теперь, да и на то главки есть. Стали спрашивать про эти главки, в голове муть пошла. По медному делу – одна главка, по золотому – другая, по каменному – третья. А как быть, коли на Ильменских горах все есть. Старики тогда и порешили.

– Подадимся до самого товарища Ленина. Он, небось, найдет время.

Стали собираться, только тут у стариков рассорка случилась. Вахоня говорит: для показа надо брать один дорогой камень, который в огранку принимают. Ну, и золотой песок тоже. А Садык свое заладил: всякого камня образец взять, потому дело научное.

Спорили, спорили, на том договорились: каждый соберет свой мешок, как ему лучше кажется.

Вахоня расстарался насчет цирконов да фенакитов. В Кочкарь сбегал, спроворил там эвклазиков синеньких да розовых топазиков. Золотого песку тоже. Мешочек у него аккуратный вышел и камень все – самоцвет. А Садык наворотил, что и поднять не в силах. Вахоня грохочет:

– Хо-хо-хо. Ты бы все горы в мешок забил! Разберись, де-

скать, товарищ Ленин, которое к делу, которое никому не надо.

Садык на это в обиде.

– Глупый, – говорит, – ты, Максимка, человек, коли так бачку Ленина понимаешь. Ему научность надо, а базарная цена камню – наплевать.

Поехали в Москву. Без ошибки в дороге, конечно, не обошлось. В одном месте Вахоня от поезда отстал. Садык хоть и всердцах на него был, сильно запечалился, захворал даже. Как-никак всегда вместе были, а тут при таком важном деле разлучились. И с двумя мешками камней одному хлопотно. Ходят, спрашивают, не соль ли в мешках для спекуляции везешь? А как покажешь камни, сейчас пойдут расспросы, к чему такие камни, для личного обогащения али для музея какого? Одним словом, беспокойство. Вахоня все-таки как-то исхитрился, догнал поезд под самой Москвой. До того друг другу обрадовались, что всю вагонную публику до слез насмешили: обниматься стали. Потом опять о камнях заспорили, который мешок нужнее, только уж помягче, с шуткой. Как к Москве подъезжать стали, Вахоня и говорит:

– Я твой мешок таскать буду. Мне сподручнее и не столь смешно. Ты поменьше, и мешок у тебя будет поменьше. Москва, поди-ко, а не Миас! Тут порядок требуется.

Первую ночь, понятно, на вокзале перебились, а с утра пошли по Москве товарища Ленина искать. Скоренько нашли и прямо в Совнарком с мешками ввалились. Там спрашива-

ют, что за люди, откуда, по какому делу.

Садык отвечает:

– Бачка Ленин желаим каминь казать.

Вахоня тут же гудит:

– Места богатые. От хиты ухранить надо. Дома толку не добились. Беспременно товарища Ленина видеть требуется.

Ну, провели их к Владимиру Ильичу. Стали они дело об-сказывать, торопятся, друг дружку перебивают.

Владимир Ильич послушал, послушал и говорит:

– Давайте, други, поодиночке. Дело, гляжу, у вас государственное, его понять надо.

Тут Вахоня, откуда и прыть взялась, давай свои дорогие камешки выкладывать, а сам гудит: из такой ямы, из такой шахты камень взял, и сколько он на рубли стоит.

Владимир Ильич и спрашивает:

– Куда эти камни идут?

Вахоня отвечает – для украшения больше. Ну, там перст-ни, серьги, буски и всякая такая штука. Владимир Ильич за-думался, полюбовался маленько камешками и сказал:

– С этим погодить можно.

Тут очередь до Садыка дошла. Развязал он свой мешок и давай камни на стол выбрасывать, а сам приговаривает:

– Амазон-каминь, калумбит-каминь, лабрадор-каминь.

Владимир Ильич удивился:

– У вас, смотрю, из разных стран камни.

– Так, бачка Ленин! Правда говоришь. Со всякой стороны каминь сбежался. Каменный мозга каминь, и тот есть. В Еремеевской яме солнечный каминь находили.

Владимир Ильич тут улыбнулся и говорит:

– Каменный мозг нам, пожалуй, ни к чему. Этого добра и без горы найдется. А вот солнечный камень нам нужен. Веселее с ним жить.

Садык слышит этот разговор и дальше старается:

– Потому, бачка Ленин, наш каминь хорош, что его солнышком крепко прогревает. В том месте горы поворот дают и в степь выходят.

– Это, – говорит Владимир Ильич, – всего дороже, что горы к солнышку повернулись и от степи не отгораживают.

Тут Владимир Ильич позвонил и велел все камни переписать и самый строгий декрет изготовить, чтоб на Ильменских горах всю хиту прекратить и место это заповедным сделать. Потом поднялся на ноги и говорит:

– Спасибо вам, старики, за заботу. Большое вы дело сделали! Государственное! – И руки им, понимаешь, пожал.

Ну, те, понятно, вне ума стоят. У Вахони вся борода слезами как росой покрылась, а Садык бородашкой трясет да приговаривает:

– Ай, бачка Ленин! Ай, бачка Ленин!

Тут Владимир Ильич написал записку, чтоб определить стариков сторожами в заповедник и пенсии им назначить.

Только наши старики так и не доехали до дому. По доро-

гам в ту пору, известно, как возили.

Поехали в одно место, а угадали в другое. Война там, видно, кипела, и, хотя один был глухой, а другой кривой, оба снова воевать пошли.

С той поры об этих стариках и слуху не было, а декрет о заповеднике вскорости пришел. Теперь этот заповедник Ленинским зовется.

Богатырева рукавица

Уральский сказ

В здешних-то местах раньше простому человеку никак бы не удержаться: зверь бы заел либо гнус одолел. Вот сперва эти места и обживали богатыри. Они, конечно, на людей походили, только сильно большие и каменные. Такому, понятно, легче: зверь его не загрызет, от оводу вовсе спокойно, жаром да стужей не проймешь, и домов не надо.

За старшего у этих каменных богатырей ходил один, по названью Денежкин. У него, видишь, на ответе был стакан с мелкими денежками из всяких здешних камней да руды. По этим рудяным да каменным денежкам тому богатырю и прозвание было.

Стакан, понятно, богатырский – выше человеческого росту, много больше сорокаведерной бочки. Сделан тот стакан из самолучшего золотистого топаза и до того тонко да чисто выточен, что дальше некуда. Рудяные да каменные денежки насквозь видны, а сила у этих денежек такая, что они место показывают.

Возьмет богатырь какую денежку, потрет с одной стороны, – и сразу место, с какого та руда либо камень взяты, на глазах появится. Со всеми пригорочками, ложками, болотцами, – примечай, знай. Оглядит богатырь, все ли в по-

рядке, потрет другую сторону денежки, – и станет то место просвечивать. До капельки видно, в котором месте руда залегла и много ли ее. А другие руды либо камни сплошняком кажет. Чтоб их разглядеть, надо другие денежки с того же места брать.

Для догляду да посылу была у Денежкина богатыря каменная птица. Росту большого, нравом бойкая, на лету легкая, а обличье у ней сорочье – пестрое. Не разберешь, чего больше намешано: белого, черного али голубого. Про хвостовое перо говорить не осталось, – как радуга в смоле, а глаз агатовый в веселом зеленом ободке. И сторожкая та каменная сорока была. Чуть кого чужого заслышит, сейчас заскачет, застрекочет, богатырю весть подает.

Смолоду каменные богатыри крутенько пошевеливались. Немало они троп протоптали, иные речки отвели, болота подсушили, вредного зверья поубавили. Им ведь ловко: стукнет какую зверюгу каменным кулаком, либо двинет ногой – и дыханья нет. Одним словом, поработали.

Старшой богатырь нет-нет и гаркнет на всю округу:

– Здоровеньки, богатыри? А они подымутся враз, да и загрохочут:

– Здоровы, дядя Денежкин, здоровы!

Долго так-то богатыри жили, потом стареть стали. Покличет их старшой, а они с места сдвинуться не могут. Кто сидит, кто лежа лежа, вовсе камнями стали, богатырского оклику не слышат. И сам Денежкин отяжелел, мохом обрас-

тать стал. Чует, – стоять на ногах не может. Сел на землю, лицом к полуденному солнышку, присугорбился, бородой в колени уперся, да и задремал. Ну, все-таки заботы не потерял. Как заворочится каменная сорока, так он глаза и откроет. Только и сорока не такая резвая стала. Тоже, видно, состарилась.

К этой поре и люди стали появляться. Первыми, понятно, охотники забегать стали, как тут вовсе приволье было. За охотниками пахарь пришел. Стал деревья валить да деревни ставить. Вскорости и такие объявились, кои по горам да ложкам землю ковырять принялись, не положено ли тут чего на пользу. Эти живо прослышали насчет топазового стакана с денежками и стали к нему подбираться.

Первый-то, кто на это диво набрел, видать, из простодушных случился. Он только на веселые камешки польстился. Набрал их всяких: желтеньких, зеленых, вишневых. Ну, и открыл места, где такие камешки водятся.

За этим добытчиком другие потянулись. Больше норовят тайком один от другого. Известно, жадность людская: охота все богатство на себя одного перевести.

Прибегут такие, видят – старый богатырь вовсе утлый, чуть живой сидит, а все-таки вполглаза посматривает. Топазовый стакан полнехонек рудяными да каменными денежками и закрыт богатыревой рукавицей, а на ней каменная сорока поскакивает, беспокоится. Добытчикам, понятно, страшно, они и давай старого богатыря словами обхаживать.

– Дозволь, родимый, маленько денежек взаймы взять. Как справлюсь с делом, непременно отдам. Убери свою сороку.

Старик на эти речи ухмыльнется и пробурчит, как гром по далеким горам:

– Бери сколь надобно, только с уговором, чтоб народу на пользу.

И сейчас своей птице знак подает.

– Посторонись, Стрекотуха.

Каменная сорока легонько подскочит, крыльями взмахнет и на левое плечо богатыря усядется да оттуда и уставится на добытчика.

Добытчики хоть оглядываются на сороку, а все-таки рады, что с места улетела. Про рукавицу, чтоб богатырь снял ее, просить не насмеливаются: сами, дескать, как-нибудь одолеем это дело. Только она – эта богатырева рукавица – людям неподъем. Вагами да ломами ее отворачивать примутся. В поту быются, ничего не щадят. Хорошо, что топазовый стакан навеки сделан – его никак не пробьешь.

Ну, все-таки сперва и на старика поглядывают и на сороку озираются, а как маленько сдвинут рукавицу да запустят руки в стакан, так последний стыд потеряют. Всяк норовит ухватить побольше, да такие денежки выбирают, кои подороже кажутся. Иной столько нахапает, что унести не в силу. Так со своей ношей и загибнет.

Старый Денежкин эту повадку давно на примету взял.

Нет-нет и пошлет свою сороку.

– Погляди-ко, Стрекотуха, далече ли тот ушел, который два пестеря денежек нагреб.

Сорока слетает, притащит обратно оба пестеря, ссыплет рудяные денежки в топазовый стакан, пестери около бросит, да и стрекочет:

– На дороге лежит, кости волками оглоданы.

Богатырь Денежкин на это и говорит:

– Вот и хорошо, что принесла. Не на то нас с тобой тут поставили, чтоб дорогое по дорогам таскалось. А того скоро-богатка не жалко. Все бы нутро земли себе уволок, да кишка порвалась.

Были, конечно, и удачливые добытчики. Немало они рудников да приисков пооткрывали. Ну, тоже не совсем складно, потому – одно добывали, а дороже того в отвалы сбрасывали.

Неудачливых все-таки много больше пришлось. С годами все тропки к Денежкину-богатырю по человеческим костям приметны стали. И около топазового стакана хламу много развелось. Добытчики, видишь, как дорвутся до богатства, так первым делом свой инструментишко наполовину оставят, чтоб побольше рудяных денег с собой унести. А там, глядишь, каменная сорока их сумки-котомки, пестери да коробья обратно притащит, деньги в стакан ссыплет, а сумки около стакана бросит. Старик Денежкин на это косился, ворчал:

– Вишь, захламили место. Стакана вовсе не видно стало. Не сразу подберешься к нему. И тропки тоже в нашу сторону все испоганили. Настоящему человеку по таким и ходить-то, поди, муторно.

Убирать кости по дороге и хлам у стакана все-таки не велел. Говорил сороке:

– Может, кто и образумится, на это глядя. С понятием к богатству подступит.

Только перемены все не было. Старик Денежкин иной раз жаловался:

– Заждались мы с тобой, Стрекотуха, а все настоящий человек не приходит.

Когда опять уговаривать сороку примется:

– Ты не сомневайся, придет он. Без этого быть невозможно. Крепись как-нибудь. Сорока на это головой скоренько запокачивает:

– Верное слово говоришь. Придет!

А старик тогда и вздохнет:

– Передадим ему все по порядку – и на покой.

Раз так-то судят, вдруг сорока забеспокоилась, с места слетела и засуетилась, как хозяйка, когда она гостей ждет. Оттащила все старательское барахло в сторону от стакана, очистила место, чтоб человеку подойти, и сама без зову на левое плечо богатырю взлетела, да и прихорашивается.

Денежкин-богатырь от этой пыли чихнул. Ну, понял, к чему это, и хоть разогнуться не в силах, все-таки маленько под-

бодрился, в полный глаз глядеть стал и видит: идет по тропке человек, и никакого при нем снаряду – ни каелки то есть, ни лопатки, ни ковш, ни лома. И не охотник, потому – без ружья. На таких, кои по горам с молотками да сумками ходить стали, тоже не походит. Вроде как просто любопытствует, ко всему приглядывается, а глаз быстрый. Идет скоренько. Одет по-простому, только на городской лад. Подошел поближе, приподнял свою кепочку и говорит ласково:

– Здравствуй, дедушка богатырь!

Старик захохотал по-своему:

– Здравствуй, мил-любезный человек. Откуда, зачем ко мне пожаловал?

– Да вот, – отвечает, – хожу по земле, гляжу, что где полезное народу впусте лежит и как это полезное лучше взять.

– Давно, – говорит Денежкин, – такого жду, а то лезут скоробогатки. Одна у них забота, как бы побольше себе захватить. За золотишком больше охотятся, а того соображения нет, что у меня много дороже золота есть. Как мухи из-за своей повадки гинут, и делу помеха.

– А ты, – спрашивает, – при каком деле, дедушка, приставлен?

Старый богатырь тут и объяснил все, – какая, значит, сила рудяных да каменных денежек. Человек это выслушал и спрашивает:

– Поглядеть из своей руки можно?

– Сделай, – отвечает, – милость, погляди. И сейчас же

сбросил свою рукавицу на землю. Человек взял горсть денежек, поглядел, как они место доказывают, ссыпал в стакан и говорит:

– Умственно придумано. Ежели с толком эти знаки разобрать, всю здешнюю землю наперед узнать можно. Тогда и разбирай по порядку.

Слушает это Денежкин-богатырь и радуется, гладит сороку на плече и говорит тихонько:

– Дождались, Стрекотуха, настоящего, с понятием. Дождались! Спи теперь спокойно, а я сдачу объявлю.

Усилился и загрохотал вовсе по-молодому на всю округу:

– Слушай, понимающий, последнее слово старых каменных гор. Бери наше дорогое на свой ответ. И то не забудь. Под верховым стаканом в земле изумрудный зарыт. Много больше этого. Там низовое богатство показано. Может, когда и оно народу понадобится.

Человек на это отвечает:

– Не беспокойся, старина. Разберем как полагается. Коли при своей живности не успею, надежному человеку передам. Он не забудет и все устроит на пользу народу. В том не сомневайся. Спасибо за службу да за добрый совет.

– Тебе спасибо на ласковом слове. Утешил ты меня, утешил, – говорит старый богатырь, а сам глаза закрыл и стал гора горой. Кто его раньше не знал, те просто зовут Денежкин камень. На левом скате горы рудный выход обозначился. Это где сорока окаменела. Пестренькое место. Не разбе-

решь, чего там больше: черного ли, али белого, голубого. Где хвостовое перо пришло, там вовсе радуга смолой побрызгана, а черного глаза в веселом зеленом ободке не видно, — крепко закрыт. И зовется то место — урочище Сорочье.

Человек постоял еще, на сумки-пестери, ломы да лопаты покосился и берет с земли богатыреву рукавицу, а она каменная, конечно, тяжелая, в три, либо четыре человеческих роста. Только человек и сам на глазах растет. Легонько, двумя перстами поднял богатыреву рукавицу, положил на топазовый стакан и промолвил:

— Пусть полежит вместо покрышки. Все-таки баловства меньше, а приниматься за работу тут давно пора. Забывать старика не след. Послужил немало и еще пригодится.

Сказал и пошел своей дорогой прямо на полночь. Далеко ушел, а его все видно. Ни горы, ни леса заслонить не могут. Ровно, чем дальше уходит, тем больше кажется.

Старых гор подаренье

Уральский сказ

Это ведь не скоро разберешь, где старое кончается, где новое начинается. Иное будто вчера делано, а думка от де-дов-прадедов пришла. Не разделишь концы-то. Недавно вон у нас на заводе случай вышел. Стали наши заводские готовить оружие в подарок первому человеку нашей земли. Всяк, понятно, старался придумать как можно лучше. Без спору не обошлось. В конце концов придумали такое, что всем по душе пришлось и совсем за новое показалось. Старый мастер, когда ему сказали: форма такая, разделка полосы этакая, узор такой, — похвалил выдумку, а потом и говорит:

– Если эту ниточку до конца размотать, так, пожалуй, дойдешь до старого сказа. Не знаю только, башкирский он или русский.

По нашим местам в этом деле — и верно — смешицы много. Бывает, что в русской семье поминают бабку Фатиму, а в башкирской, глядишь, какая-нибудь наша Маша-Наташа затесалась. Известно, с давних годов башкиры с русскими при одном деле на заводах стояли, на рудниках да на приисках рядом колотились. При таком положении немудрено, что люди и песней, и сказкой, да и кровями перепутались. Не сразу разберешь, что откуда пришло. Привычны у нас

к этому. Никто за диво не считает. А про сказ стали спрашивать. Старый мастер отказываться не стал.

– Было, – говорит, – еще в те годы, как я вовсе молодым парнишкой на завод поступил. С полсотни годов с той поры прошло.

В цеху, где оружие отделявали да украшали, случилась нежданная остановка. Позолотчики оплошали: до того напустили своих едучих зеленых паров, что всем пришлось на улицу выбежать. Ну, прокашлялись, прочихались, отдышались и пристроились передохнуть маленько. Кто цыгарку себе свернул на тройной заряд, кто трубку набил с верхушкой, а кто и просто разохотился на голубой денек поглядеть. Уселись, как пришлось, и завели разговор. Рисовщик тогда у нас был. Перфишей звали. По мастерству из средненьких, а горячий и на чужую провинку больше всех пышкал. Такое ему и прозвание было – Перфиша Пышкало. Он, помню, и начал разговор. Сперва на позолотчиков принялся ворчать, да видит, – остальные помалкивают, потому всяк про себя думает: с кем ошибки не случается. Перфиша чует, – не в лад пошло, и переменял разговор. Давай ругать эфиопского царя:

– Такой-сякой! И штаны-то, сказывают, в его державе носить не научились, а мы из-за него задыхайся.

Другие урезонивали Перфишу:

– Не наше дело разбирать, какой он царь. Заказ кабинетский, первостатейный, и должны мы выполнить его по сове-

сти, чтоб не стыдно было наше заводское клеймо поставить.

Перфиша все-таки не унимается:

– Стараемся, как для понимающего какого, а что он знает, твой эфиопский царь. Наляпать попестрее да поглазастее – ему в самый раз, и нам хлопот меньше.

Тут кто-то из молодых стал рассказывать про Эфиопию. Сторона, дескать, жаркая и не очень чтоб грамотная, а себя потерять не желает. На нее другие, больно грамотные, давно зубы точат, а она не поддается. И царь у них, по-тамошнему негус, в том деле заодно с народом. А веры они, эти эфиопы, нашей же, русской. Потому, видно, и придумали кабинетские подарок в Эфиопию послать.

С этого думки у людей и пошли по другим дорожкам. Всем будто веселее стало. По-хорошему заговорили об эфиопах:

– Настоящий народ, коли себя отстоять умеет. А что одежда по-другому против нашего, так это пустяк. Не по штанам человеку честь.

Перфиша видит, – разговор вовсе не в ту сторону пошел, захотел поправиться, да и ляпнул:

– Коли так, то надо бы этому царю не меч сделать, а шашку, на манер той, какая, сказывают, у Салавата была.

Тут Митрич, самый знаменитый по тем годам мастер, даже руками замахал:

– Что ты, Перфиша, этакое, не подумавши, говоришь. Деды-то наши, поди, не на царя ту шашку задумали.

Наш брат – молодые, кто про эту штуку не слыхал, – начали просить:

– Расскажи, дедушка Митрич? – А старик и не отговаривался:

– Почему не рассказать, если досуг выдался. Тоже ведь сказы не зря придуманы. Иные – в покор, иные – в наученье, а есть и такие, что вместо фонарика впереди. Вот слушайте.

Сперва в том сказе о Салавате говорится, что за человек был. Только по нашим местам об этом рассказывать нет надобности, потому как про такое все знают. Тот самый Салават, который у башкир на самой большой славе из всех старинных вожаков. При Пугачеве большую силу имел. Прямо сказать, правая рука. По письменности, рассказывают, Салавата казнили царицыны прислужники, только башкиры этому не верят. Говорят, что Салават на Таганай ушел, а оттуда на луну перебрался. Так вот с этим Салаватом такой случай вышел.

Едет он раз близко здешних мест со своим войском. Дорога по ложку пришлась. Место узкое. Больше четырех конников в ряд не войдет. Салават по своему обычаю впереди. Вдруг на повороте выскочил вершник. В башкирских ичигах, в бешмете, а шапка русская – с высоким бараньим околышем, с суконным верхом. И обличьем этот человек на русскую стать – с кудрявой бородой широкого окладу. В немолодых годах: седины в бороде много. Конек под ним соловенький, не больно велик, да самых высоких статей: глаз горя-

чий, навес, то есть грива, челка и хвост, — загляденье, а ножки подсушены, стрункой. Тронь такого, мелькнет — и не увидишь.

Башкиры — конники врожденные. При встрече сперва лошадь оглядят, потом на человека посмотрят. Все, кому видно было, и усталились на этого конька, и Салават тоже. Никто не подумал, откуда вершник появился и нет ли тут чего остерегаться. У каждого одно на уме: такого бы конька залучить. Иные за арканы взялись. Не обернется ли дело так, чтоб захватом добыть. Все смотрят на Салавата, что он скажет, а тот и сам на конька загляделся. Под Салаватом, конечно, конь добрый был. Богатырский вороной жеребец, а соловенький все-таки еще краше показался. Закричал Салават:

— Эй, бабай, давай коням мену делать.

Вершник посмотрел этак усмешливо и говорит:

— Нет, батырь Салават, не за тем я к тебе прислан. Подаренье старых гор привез. Шашку.

Салават удивился:

— На что мне шашка, когда у меня надежная сабля есть. Вот гляди.

Выватил саблю из ножен и показывает. Сабля, и точно, редкостного булату и богато украшена. На крыже и головке дорогие камни, а по всей полосе золотая насечка кудрявого узора. Ножны так и сверкают золотом да дорогими каменьями.

— Лучше не найдешь! — похвалился Салават. — Сам батька

государь пожаловал. Ни за что с ней не расстанусь!

Вершник опять усмехнулся:

– Давно ли ты, батырь, считал своего вороного первым конем, а теперь говоришь мне: давай меняться. Как бы и с шашкой того не случилось. Батька Омелян, конечно, большой человек, и сабля его дорого стоит, а все-таки не равняться ей с подареньем старых гор. Принимай!

Подъехал к Салавату, снял по русскому обычаю шапку, а с коня не слез и подает шашку. Пошире она сабли, с пологим выгибом, в гладких ножнах. На них узор серебряный заподлицо вделан, как спрятан. Казового будто ничего нет, а тянет к себе шашка. Сунул Салават свою саблю в ножны, принял шашку и чует, – не легонькая, как раз по руке. Вытащил из ножен – обомлел: там в полосе молнии сбились, вот-вот разлетятся. Махнул – молнии посыпались, а шашка целехонька.

– А ну, на крепость! – кричит Салават. Подлетел к большой сосне, а они ведь у нас, сами знаете, какие по горам растут. Как камень, в воде тонут. Рубнул Салават с налету во всю силу и думает, – посмотрю, какую зарубку оставит, если не переломится. Шашка прошла сосну, как пруттик какой. Повалилась сосна, чуть Салавата с конем не пришибла. Вершник приезжий тогда и спрашивает:

– Разумеешь, батырь Салават?

– Разумею, – отвечает. – Другой такой шашки на свете быть не может. Из своих рук ни в жизнь не выпущу!

– Не торопись со словами, Салават, – ответил приезжий, – сперва наказ выслушай!

– Какой еще наказ! – загорячился Салават. – Сказал – не выпущу из своих рук, пока жив! Тут и наказ весь!

– Этого, – отвечает, – и я тебе желаю, да не в моих силах то сделать. Шашка, сам видишь, не простая. По-доброму-то ее надо бы батьке Омельяну, как первому вожаку, да жил он всякова-то: в его руках шашка силу потеряет. Ты молодой, корыстью тебя никто не укорил, тебе и послали, но в малый дар. Знаешь, как при русских свадьбах бывает. На посыл жениха невеста со сватом посылает сперва малый дар. Он, может, и самый дорогой, да посылается не наовсе, а вроде как для проверки. Невеста вольна во всякое время взять малый дар обратно. Так ты и знай! Будет эта шашка твоей, пока ничем худым и корыстным себя не запятнал. Если в том удержишься, тебе эту шашку, может, и в большой дар отдадут, – навсегда то есть.

– А как это узнать? – спрашивает Салават.

– Об этом не беспокойся. Явственно будет показано, а как-того не ведаю.

На Салавата тут раздумье нашло:

– Что будет, если со мной ошибка случится?

– Шашка силу потеряет и на весь твой народ беду приведет, если не вернешь шашку в гору.

– Как тебя найти? – спрашивает Салават.

– Меня больше не увидишь, а должен ты найти девицу,

чтоб она жизни своей не пожалела, в гору с шашкой пошла. Там шашка опять свою силу получит, и снова ее вынесут из горы. Не знаю только, когда это будет и кому шашка достанется.

Выслушал Салават и говорит:

– Понял, бабай, твое слово. Постараюсь не ослабить силу шашки, а случится беда, выполню второй твой наказ. Одно скажи, можно ли с шашкой послать в гору свою жену?

– Это, – отвечает, – можно, лишь бы по доброй воле пошла.

Салават обнадежил:

– В том не сомневайся! Любая из моих жен с радостью пойдет, коли надобность случится.

Вершник еще напомнил:

– Коли на себя потянешь, потеряет шашка силу, а если будешь заботиться о всем народе, без различья роду-племени, родных-знакомых, никто против тебя не устоит в бою.

На том и кончили разговор. Тут приезжий посмотрел на арканников, кои с его коня глаз не сводили, усмехнулся и говорит:

– Ну, что ж, играть так играть! За тем вон выступом еланка откроется, там и сделаем байгу. Кто заарканит моего Соловья, тот и владей им без помехи. Не удастся заарканить, тоже польза: в головах посветлеет.

Все, кто арканы наготовил, рады-радехоньки: почему счастья не попытать. Живо вперед вылетели. Отъехали немнож-

ко, там, верно, в горах широкая еланка открылась. Вершник подался шагов на десяток вперед, поставил коня поперек дороги, показал рукой на гору и говорит:

– Туда скакать буду, а уговор такой: рукой махну – ловите!

Кто со стороны на это глядел, те дивятся, почему мало забегу взял, зачем коня поперек дороги поставил, как нарочно подогнал, чтоб заарканить легче было. В арканниках-то один мастер этого дела считался. Мужичина здоровенный, и лошадка у него как придумана для такой штуки: на долгий гон терпелива и на крутую наддачу способная. Все и думают: непременно Фаглазам конька заарканит. Тут вершник сказал своему Соловку тихое слово, махнул рукой, и на глазах у всех как марево пролетело. Стали потом искать, куда вершник подевался. Доехали до того камня, на какой он указывал, и видят: на синем камне золотыми искриночками обозначено, будто тут вершник на коне проехал. На арканников накинулись, как они посмели затеять охоту на такого посланца. Самого Салавата окружили, давай спрашивать, о чем приезжий говорил. Салават рассказал без утайки, а ему наказывают:

– Гляди, батырь, чтоб такая шашка силу не потеряла. О себе не думай, о народе заботься. Родне поблажки не давай, в племенах различья не делай.

Салават уверил: так и будет. И верно, долгое время свое слово твердо держал, и гор подаренье служило Салавату так, что никакая сила против него устоять не могла. Ну, все-та-

ки промахнулся. Родня с толку сбила. В роду-то у Салавата все-таки большие земли были, а заводчик Твердышев насильством тут завод поставил да еще две деревни населил пригнанными крестьянами, чтоб дрова рубили, уголь жгли и все такое для завода делали. Родня и стала подбивать Салавата: сгони завод и деревни с наших земель. Захватом, поди-ка, эта земля Твердышевым взята. Правильно сделаешь, коли его сгонишь. Салават сперва остерегался. Два раза побывал в заводе и деревнях и оба раза с какой-то девушкой разговор имел. Тут родня и поднялась. Ты, дескать, в неверную сторону пошел, от родных отмахнулся, а жены завыли: «Променял нас на русскую девку». Не устоял Салават, сделал набег со своей родней на завод и деревни.

– Убирайтесь, – кричит, – откуда пришли!

Люди ему объясняют, – не своей волей пришли, а родня и слушать такой разговор не дает. Кончилось тем, что завод и обе деревни сожгли, а народ разогнали. С той поры шашка у Салавата и перестала молнии пускать. В войске сразу об этом узнали. Да и как не узнать, коли Салават дважды раненым оказался, а раньше такого с ним не бывало. Тут и все дело Пугачева покачнулось и под гору пошло. Со всех сторон теснят его царицены войска. Тогда Салават собрал остатки своих верных войсковых людей, захватил своих жен и прямо к Таганая. Подошел к горе, снял с себя шашку, подал жене и говорит:

– Возьми, Фарид, эту шашку и ступай в гору, а я на вер-

шину поднимусь. Когда шашка прежнюю силу получит, вынесешь ее из горы, и я к тебе спущусь.

Фарида давай отнекиваться: не привычна к потемкам, боюсь одна, тоскливо там. Салават рассердился, говорит другой жене:

– Иди ты, Нафиса!

Эта тоже отговорку нашла:

– Фарида у тебя любимая жена. Ее первую послал, пусть она и несет шашку.

У Салавата и руки опустились, потому – помнит – надо, чтоб своей волей пошла, а то гора не пустит. Как быть? Аксакалы войсковые да и все конники забеспокоились, принялись уговаривать женщин:

– Неужто вы такие бесчувственные? Всему народу беда грозит, а они перекоряются. Которая пойдет, добрую память о себе в народе оставит, а не пойдет – все равно и нам и вам не житье.

Бабенки, видно, вовсе набалованные. Одно понимали, как бы весело да богато пожить. Заголосили на всю округу, а перекоряться меж собой не забыли.

– Не на то меня замуж отдавали, чтобы в гору загонять. Пусть Нафиса идет. С хромой-то ногой ей сподручнее в горе сидеть.

Другая это же выпевает, а под конец кричит:

– Фаридке, с ее-то рожей, только в потемках и место. Самое ей подходящее в гору спрятаться!

Одним словом, слушать тошно, и конца не видно. Только вдруг объявилась девица из разоренной деревни. Та самая, с коей Салават два раза разговаривал. Посмотрела строго и говорит Салавату:

– Прогони бабенку! Разве это батырю жены! И родню твою тоже. Оставь одних верных людей, с коими по всей правде за народ воевал. Тогда поговорим.

Салават видит, – неспроста пришла. Велел сделать, как она сказала. Конники враз налетели, давай родню выгонять, а женешки сами убежали, обрадовались, что в гору не итти. Как бабьего визгу-причету не стало, девица и говорит:

– Пришла я, батырь Салават, своей волей. Не жалею своей жизни, чтоб тебе пособить и народ из беды вызволить. О шашке, что у тебя в руке, мне многое ведомо. Веришь ли ты мне?

– Верю, – отвечает Салават.

– А веришь, так подавай подаренье старых гор.

Поглядел Салават на своих верных конников. Те головами знак подают: отдай шашку, не сомневайся. Поклонился Салават низким поклоном, поднял голову – и видит, – девица в другом наряде оказалась. До того была в худеньком платьишке, в обутках, в полинялом платчишке, а тут на ней богатый сарафан рудяного цвету с серебряными травами да позументом, на ногах башкирские башмаки узорного сафьяну, на голове девичий козырек горит дорогими камнями,

а монисто башкирское. Самое богатое, из одних золотых. Как прогрелось на груди. Так от него теплом да лаской и отдает.

«Вот она невеста. За своим малым даром пришла», – подумал Салават. Подал шашку. Приняла девица обеими руками, держит перед собой, как на подносе, и улыбается:

– Оглядывался зачем?

Салават объясняет: хотел, дескать, узнать, верят ли тебе мои конники, а девица вздохнула:

– Эх, Салават, Салават! Кабы ты всегда на народ оглядывался! Не слушал бы родню да жен своих. Каких только и выбрал. Обнять тебя хотела на прощанье, да не могу теперь, как на них поглядела. Так уж, видно, разойдемся: я в гору, ты на гору. По времени и мне придется на вершине быть.

– Свидимся, значит, – обрадовался Салават.

– Нет, батырь Салават, больше не свидимся, и это старых гор подаренье тебе в руке не держать. На того оно ковано, кто никогда ничем своим не заслонил народного.

– Когда же, – спрашивает Салават, – на горе покажешься?

– Это, – отвечает, – мне неведомо. Знаю только, что буду на вершине, когда от всех наших гор и от других тоже огненные стрелы в небо пойдут. Над самым большим нашим городом те стрелы сойдутся в круг, а в кругу будет огненными буквами написано имя того, кому старых гор подаренье навеки досталось.

Сказала так, повернулась и пошла к каменному высту-

пу горы. Идет, не торопится, черной косой в алых лентах чуть покачивает, а шашку несет на вытянутых руках, будто на подносе. И тихо стало. Народу все-таки много, а все как замерли, даже уздечка не звякнет.

Подошла девица к камню, оглянулась через плечо и тихонько молвила: «Прощай, Салават! Прощай, мой батырь!» Потом выхватила шашку из ножен, будто давно к этому привычна, и рубнула перед камнем два раза на косой крест. По камню молнии запылали, смотреть людям не в силу, а как промигались, никого перед камнем не оказалось. Подбежал Салават и другие к тому месту и видят – по синему камню золотыми искриночками обозначено, как женщина прошла.

Рассказал это Митрич и спрашивает:

– Поняли, детушки, на кого наши деды свое самое дорогое заветили?

– Поняли, – отвечаем, – дедушка Митрич, поняли.

– А коли поняли, – говорит, – так сами сиднями не сидите. Всяк старайся тому делу пособлять, чтобы дедовская думка поскорей явью стала.

– Он, видишь, Митрич-то наш, из таких был, – пояснил рассказчик, – в беспокойных считался, начальству не угоден. При последнем управляющем его вовсе из заводу вытолкнули. Не поглядели, что мастер высокой статьи. И то сказать, он штуку подстроил такую, что начальству пришлось в затылках скрести: как не доглядели. Ну, это в сторону пошло.

Рассказывать долго. — Потом, помолчав немного, добавил:

— А насчет того, чтобы пособлять, это было. На моих памятях немало наших заводских в конники и войсковые люди того дела ушли, а потом, как свету прибавилось, и всем народом трудились. И вот дождались. Кто и сам не видел, а знает, когда над нашим самым большим городом огненные стрелы в круг сошлись. И всякий видит в этом круге имя того, кто показал народу его полную силу, всех врагов разбил и славу народную на самую высокую вершину вывел.

Ленин не умер – он жив!

Русская народная сказка

Было то в тысяча и девятьсот двадцать первом году, на аглицкой земле, в золоченой хороме государевой. Призывает к себе царь холопьев своих, министров, фабричных хозяев. И говорит таковы слова:

– Люди знатные, богатеи вельможные, невозможно нам землями ведати, народные дела вершители. Появился на земляк наших враг хитрый, обольстительный.

Переглянулись тут холопья царские, министры, фабричные хозяева. И держали речь на слова царские:

– Государь наш аглицкий, прикажи холопам своим изловить и сковать в цепи железные того врага хитрого, обольстительного, что мешает землями ведати, народные дела вершители.

И промолвил царь аглицкий:

– Ни холопы наши, ни хозяева фабричные и ни министры мои умные не поймают того врага лютого, обольстительного. В других землях, за морем, за океаном живет он и оттудова посылает гонцов своих для распри к народу моему возлюбленному.

Тут обрадовались холопы царские, министры, фабричные хозяева.

– Государь наш аглицкий, прикажи державе той, где живет враг лютый, обольстительный, выдать нашим посланникам его голову окаянную, или мы, земля аглицкая, пошлем воинов на тую страну.

Запечалился государь аглицкий на теи слова и промолвил с растяжкой:

– Невозможно словити врага лютого, обольстительного, что мешает землями ведати, дела вершити. Прозывается он Лениным-бусурманином. Сам он правит державой той, за морем, за океаном. Суда наши не дойдут до державы его – перетонутся. Пушки наши не стрельнут ядрышками – порассыплются. Солдаты мои не пойдут на народ его – разбушуются. Подослать кого для придушия – не пропустит держава советская, а охрана народная российская бережет своо главного. Невозможно тягаться с Лениным!

Занедужились холопы царские, министры, фабричные хозяева и не знали, какое слово вымолвить, какой совет советовать. Поднялся тут старший холоп. Подошел ко столу со смирением, со словами мудреными:

Занедужились холопы царские, министры, фабричные хозяева и не знали, какое слово вымолвить, какой совет советовать. Поднялся тут старший холоп. Подошел ко столу со смирением, со словами мудреными:

– Государь ты наш аглицкий, не прими ты мое слово в насмешечку, прикажи отпустить из казны твоей денег золотом. Изобрел я средство драгоценное для врагов твоих и держа-

вы аглицкой. И то средство – не лекарство, не крупинки в порошках больным и не пушка самострельная. А то средство – невидимое, прозывается лучевой волной, незаметною. Наведем волну прямо на Ленина. И он будто сам умрет.

Повскакали с мест люди царские. Государь вскочил без подмоги слуг. Закричали все:

– Ты – спаситель наш! Мы казной своей раскошелимся, нарушь врага-обольстителя.

...С той поры занемог Ленин-батюшка, через средство невидимое, что назвал холоп лучевой волной, незаметною. Заболел отец, на постель прилег, и закрылись глаза его ясные. Но не умер он, не пропал навек... Лучевая волна промахнулась. Головы его не затронула. Только с ноженек пригнула к земле да и дыхание призамедлила, Ленин жив лежит на Москве-реке, под кремлевской стеной белокаменной. И когда на заводе винтик спортится али, скажем, у нас земля сушится, поднимает он свою голову и идет на завод, винтик, клепает, а к полям сухим гонит облако. Он по проволоке иногда кричит, меж людьми появляется. Тот, кому довелось внимать речи его, тот навеки пойдет путем правильным. Часто слышат его съезды партии, трудовой народ. Только видеть его не под силу нам. Лучения волна незаметная закрывает его от лица людей.

Ленин сделал людей счастливыми

Узбекская сказка

Как грузный медведь разрушает муравейник и языком слизывает тысячи муравьев, так войны разрушали мир и уносили тысячи жизней.

Войны устраивали князья и баи, чтобы больше захватить денег, и заставляли крестьян, подчиненных им, идти на убийство и на смерть.

Когда преисполнилась чаша терпения неба, когда кровью насквозь пропиталась одежда аллаха, когда от дыма пожаров и смрада гниющих трупов нечем стало дышать на небе, аллах собрал всех слуг своих и спросил:

– Кто сделает счастливой землю, кто из вас пойдет в эту бездну горя и крови и прекратит убийства и грабежи?

Стал аллах выбирать сильнейшего и умнейшего, чтобы в силах, был пойти на землю и сделать землю счастливой. Он положил большой камень, весом в шестьдесят пудов, и, сказал:

– Того пошлю на землю, кто перевернет этот камень...

Потом он задал три загадки:

– Кто сильнее всех в этом мире?

– Кто счастливее всех в этом мире?

– Кто слабее и несчастнее всех в этом мире?

Многие пробовали перевернуть этот камень, но не могли даже шевельнуть его. Многие отгадывали загадки, но ответы их были льстивы и неумны. Говорили, что аллах – сильнее и счастливее всех, что несчастнее и слабее всех – шайтан. Но глухо к лести было сердце аллаха, и тень печали ложилась на глаза его. Говорили, что умерший Али был сильнее всех, что богачи – счастливее всех, что тащишки – слабее всех.

Но не мог достойного найти среди своих слуг аллах. И надел аллах халат дервиша и сошел на землю, окровавленную и измученную, и стал искать освободителя среди людей.

Первым увидел он человека, перебрасывающего кули с зерном, как мячики, и подошел к нему и сказал:

– Идем со мной, человек. Привел его аллах к камню и сказал:

– Попробуй. Переверни.

Человек взялся за край камня, поставил его на ребро и вдруг упал мертвым от натуги.

Дальше пошел аллах, и много людей он пробовал, – так много, что на камне осталось пять углублений от пальцев рук, пробовавших поднять камень. Но не находил подходящего аллах. И когда он в горести и печали задумался, где искать ему избранника, увидел он человека с высоким лбом. И сказал себе: «Попытаю этого». Он повел человека к камню и сказал:

– Попробуй. Переверни.

Когда снял человек рубашку, заплакал аллах: у челове-

ка руки были тонкие, и не его рукам было перевернуть камень... Но человек и не взялся за камень. Он пошел, принес два бревна и одно подsunул под камень, а другое подложил под первое и, нажав на противоположный конец, перевернул камень легко и без усилия. И когда камень был перевернут, из-под камня потекла кровь. Аллах увидел, что там лежит раздавленная ок-илен (ядовитая змея – прим. А.З.), которая держала камень с силой сто пудов и не давала перевернуть его предшествующим, ибо нет человека, могущего поднять шестьдесят пудов веса камня и сто пудов силы ок-илен. И изумился аллах уму своего избранника, который, не обладая силой, перевернул сто шестьдесят пудов. И задал он ему три загадки и получил ответы, достойные великого мудреца:

– Самый сильный – самый умный, кто пользуется любовью мира.

– Самый счастливый – самый честный и кто дал счастье многим.

– Самый несчастный – тот, кого не любит никто.

Увидел аллах, что велик по уму этот человек, что в его руках не пропадет дело освобождения, и взял он его в свои чертоги и там держал его около пятидесяти дней и пятидесяти ночей и передал ему часть своей мудрости и послал его на землю. Избранника звали Ленин. Ленин пошел на землю в блеске своей мудрости и сразу прекратил кровопролитие и сделал людей счастливыми. Потом он ушел отдыхать

в чертоги аллаха, оставив землю освобожденной и счастливой, и имя его будет жить, пока живет слово «счастье».

Как родился Ленин

Узбекская сказка

Нельзя жить людям без счастья. И люди ищут счастье, они чувствуют, где оно, и идут к нему. Но путь лежит через холодные снежные горы. И это бы еще ничего, но на пути к счастью – ок-илен, стрела-змея. Все злые силы приказали ок-илен: не пускай! И она не пускает. Но людям нельзя жить без счастья. И вот люди выдумали лук. Люди вооружились луком и. пошли искать счастье. Напрасно: стрелы лука не могут уязвить ок-илен, они ломаются, они только щеко-чут злую змею. Задумались люди и придумали щиты. Люди прикрылись щитами и двинулись к счастью, но и на этот раз ок-илен прошибла щиты насквозь, и много пролилось человеческой крови.

Тогда в отчаянии люди стали выдумывать все новые и новые орудия – нельзя людям жить без счастья – и род за родом, племя за племенем двинулись к счастью. Но ок-илен по-прежнему никого не пропускала. Ок-илен все больше крепла, с каждой новой людской выдумкой она становилась все сильнее и сильнее. И не знали люди, что делать, уже хотели люди остановиться на полпути.

И тогда пришел человек. Он был одет как дехканин, у него были мозолистые руки, руки дехканина, и в руках у него был

хлеб. У человека не было никакого оружия, у него был только хлеб. И с одним хлебом он пошел на ок-илен. Человек приблизился к ок-илен, ок-илен приблизилась к человеку, и вот они остановились. Ок-илен собралась с силой и бросилась на человека. Человек не стал защищаться, он только протянул вперед мозолистые руки, в которых находился хлеб. Ок-илен прикоснулась к хлебу, ок-илен ударила о хлеб и упала замертво. И дорога к счастью освободилась и люди пошли за человеком к счастью. Человек, который их повел и освободил от ок-илен, был бедняк, но родился он от месяца и звезды и от них получил силу.

Слушайте, слушайте, узбеки: его – человека, освободителя – зовут Ленин...

Смерть бога

Узбекская сказка

Это было тогда, когда еще царь Николай был, а всем, что есть, владели богачи. Ходили тогда по всему царству Ленин и Сталин и учили бедных, что без богачей можно жить лучше.

Испугались богачи и пошли к царю жаловаться на Ленина и Сталина. А царь спал у себя на золотой кровати. Разбудили богачи царя и говорят ему:

– Какой ты царь! Спишь и не знаешь, что по твоему царству ходят Ленин и Сталин и учат всех бедных, как у нас отнять власть. И народ им крепко верит и слушает их. Прикажи схватить их и посадить в тюрьму. Царь приказал. Схватили царские слуги Ленина и Сталина. Посадили в тюрьму, а ноги приковали к стене толстыми железными цепями. Сидят так Ленин и Сталин в тюрьме день, другой, третий. Бедняки и весь народ удивляются: куда девались Ленин и Сталин? Ходят всюду, спрашивают друг у друга, никто не знает.

Узнали про это птицы и животные, тоже стали искать. Вот однажды прилетели воробьи к окну тюрьмы, где сидели Ленин и Сталин, увидели их и так обрадовались, что не стали даже клевать крошки, которые набросали для них Ленин и Сталин. Позвали воробьи мышей. Те быстро перегрызли

толстые цепи. Позвали воробьи сусликов, они быстро прокопали под землей ход из тюрьмы на волю. Позвали воробьи орлов, те прилетели и на своих спинах унесли Ленина и Сталина.

Бросились царские слуги в погоню. Вот уже стали догонять. Тогда воробьи позвали на помощь тигров, волков и медведей. Царские слуги испугались и вернулись ни с чем. Узнали царь Николай и богачи об этом и стали просить бога, чтобы он им помог снова схватить Ленина и Сталина. Бог согласился. Летят Ленин и Сталин высоко над землей. Увидели чудесный дворец в облаках. А то был дворец бога. Бог говорит Ленину и Сталину:

– Заходите отдохнуть, а орлы пусть летят дальше. Зашли во дворец Ленин и Сталин, но орлов с собой взяли. Бог приказал своим слугам схватить Ленина и Сталина, чтобы отдать их царю Николаю и богачам.

Тут орлы разогнали всех слуг бога, а самому богу выклевали глаза. Стал бог слепой и ничего не видит. Рассердились Ленин и Сталин на бога, столкнули его вниз. Бог упал на землю и разбился.

Так и не стало бога, А Ленин и Сталин опустились на землю, прогнали царя Николая и богачей, и стали жить счастливо: русские, узбеки, таджики, татары и другие народы.

Ленин сделал вольной киргизскую степь

Киргизская сказка

Когда бог построил мир, он собрал всех царей. И каждого поочередно спрашивал: – Доволен ты землей, которую я дал твоему народу? Цари падали на колени и говорили:

– Благодарю тебя, великий аллах. Земля, которую ты дал нам, хорошая. И народ мой доволен ею.

Когда очередь дошла до киргизского хана, он тоже упал на колени и сказал:

– Я тоже благодарю тебя, аллах, за ту землю, которую ты мне дал. Земля хорошая. Хаять нельзя. Но мне обидно, что ты дал нам одну безлесную равнину. Нет возможности окинуть ее глазом, и нет бугорка, с которого я мог бы следить за тем, что делается на моей земле.

Подумал бог и сказал своим строителям:

– Соберите все, что осталось у вас от постройки земли, и сделайте посреди степи место, на котором были бы леса самые тенистые. Пусть будут у него горы самые красивые и пусть будет вода в его озерах самая чистая и прозрачная. Когда верблюд искупается в озерах, он будет белый, как снег.

И сделали строители так, как велел бог. А бог позвал еще раз хана и сказал:

– Я сделал так, как ты просил, но ты должен помнить, что земля, которую я дал, принадлежит не одному тебе, а всему киргизскому народу. Ты будешь жить на этой земле и править киргизским народом по закону, который я дал тебе. А чтобы ты не нарушал закона и не притеснял народ, я пошлю в степь могучего орла. Он будет жить на самой красивой и высокой горе и оттуда будет следить за тобой. Если ты будешь нарушать законы и будешь притеснять народ, орел будет наказывать тебя так, как я велю.

Упал хан на колени и сказал:

– Великий аллах, я все сделаю, что ты указал в законе.

Но когда вернулся хан в степь, он не сдержал своего слова. С этого же дня стал нарушать закон.

Чтобы увеличить богатства своего сына и сделать его еще более знатным, хан отбирал у джигитов скот и брал себе. Чтобы лучше укрепить свою власть, хан отбирал землю у бедных родов и отдавал баям. И баи разносили славу о хане по всем четырем сторонам земли.

Велика сила хана и несметны богатства его! Вся степь покрылась ханскими табунами, и вся земля в руках великого хана!.. А на большой и зеленой поляне, среди дремучих лесов и высоких гор, расставил хан свои бесчисленные кибитки. Много серебра и золота, много разноцветных камней и много шелковых халатов в кибитках хана. И в самой большой из них, белоснежной, украшенной шелком, коврами и оружием, живет сам хан с маленьким сыном. И нет

на земле детей красивее и умнее ханского сына! Живет и пирует хан, окруженный красивыми женами, храбрыми джигитами и знатными баями. Не знает хан о нужде и страданиях своего народа. Позабыл хан, что орел летает над степью и видит все дела хана.

Пришло время наказания.

В тот день, когда солнце пылало над степью, маленький сын хана играл на поляне у озера среди гор и лесов; орел спустился на землю, схватил когтями ханского сына, улетел с ним на высокую гору и там, на глазах хана, стал клевать сердце ребенка.

Клекот орла и крик маленького хана гудели по всем четырем сторонам степи.

Заревел хан от горя, точно медведь застонал. И собрал хан со всей степи лучших стрелков, приказал им стрелять в орла. Но гора была так высока, что ни одна стрела не долетела до орла. Тогда позвал хан на помощь белого царя. А белый царь послал в степь русских. Пришли в степь с огнем и свинцом. Они убили могучего орла. Но было уже поздно. Орел выклевал сердце ханского сына. Прекратился ханский род.

С тех пор гора, на которой жил могучий орел, стала называться Ок-Жетпес. А русские огнем и свинцом покорили киргизский народ и построили на всех четырех концах степи четыре города: один-на востоке, другой – на западе, третий – на севере, четвертый – на юге.

Долго летели из городов в степь огонь и свинец. Долго сто-

нал киргизский народ под властью белого царя.

Но пришел в степь славный богатырь Кенисара, сын Аблая. Поселился в глухой и темной пещере у высокой и синей горы. Оттуда поднял против русских всю степь. Поднял Кенисара храбрых джигитов и обездоленных джагатов. Хорошо дрался славный богатырь Кенисара с русскими. Совсем близка была пора свободы для киргизского народа. Но ушел Кенисара к богатым узбекам. Полюбил дочь кокандского хана и позабыл про борьбу родного народа. Гулять стал Кенисара. Много кумыса пил Кенисара, много красивых девушек было около Кенисара. И рука Кенисара поднималась против родного народа. А узбеки и ханы приготовили ловушку. Продали Кенисара русским. Погиб Кенисара. Надолго пропала свобода киргизского народа. Опять наступила власть белого царя. словно саранчой, покрылась земля царскими чиновниками. Опять загудели стон и плач киргизского народа по всем четырем концам степи. Долго гудели.

А на землю пришел большой богатырь – Ленин. Долго ходил по земле Ленин, долго смотрел по всем четырем сторонам: слушал стоны и плач обиженных людей, собирал храбрых комиссаров и красных орлов – большабеков.

И покрылась земля тучами красных орлов. И загудели на земле снова гром, огонь и свинец. И летела от них царская саранча по всем четырем сторонам земли.

Прогнал Ленин царя и его чиновников. Но в степь пришел новый царь – белый правитель Колчак. Он грабил степь. Он

насиловал женщин и девушек. Он гнал джигитов на войну. И еще больше стонал киргизский народ под властью Колчака.

Услыхал стон киргизского народа богатырь Ленин. Собрал своих красных орлов и сказал:

– Подите в степь. Прогоните Колчака и его чиновников. Отдайте степь тем, кому она принадлежала. И сделайте так, чтобы не было в степи ни бедных, ни богатых, чтобы все люди стали равными, потому что я принес всем людям новый закон. А чтобы баи и казаки, живущие в степи, поскорее забыли привычки царских чиновников, вместе с вами я пошлю в степь молодого и могучего орленка. Он будет жить на горе Ок-Жетпес и оттуда будет следить за тем, чтобы никто не смел нарушить новый закон. И если баи и казаки нарушат законы, я прикажу молодому орленку наказать их и выгнать совсем из степи.

Так сказал большой богатырь Ленин и так сделали красные орлы. Теперь степь – вольная, и никто не может нарушить новый закон, потому что на высокой горе Ок-Жетпес живет молодой и могучий орленок.

Ленин и Искандер

Киргизская сказка

Далеко, далеко, в неведомых краях, за золотым закатом, за степями, за горами, – там, куда никто никогда не ходил, на Иссык-Тау жил праведник Худой-Бола. Вел он свой род от самого Магомета. Ушел он в пустыню, чтобы не видели глаза его горя и слез на земле. А на земле тогда шайтан взял большую власть, и его ставленники властвовали и душили людей.

И Худой-Бола, запершись в своей пещере, плакал о земном горе, и его плач был безутешен и не прекращался сто пятьдесят лет.

Он плакал, что нет среди людей человека со смелой и сильной душой, который прогнал бы с земли шайтана, и что он сам стар и не может вести борьбу.

Худой-Бола имел кольцо, подаренное Магомету богом, и в этом кольце была сила, против которой не мог устоять шайтан. Худой-Бола плакал, что некому из людей передать кольцо для борьбы.

И после того, как проплакал праведник сто пятьдесят лет, родились на земле у простой женщины два сына – Искандер и Ленин.

Искандер дожил до восемнадцати лет, а в восемнадцать

лет рассказала ему мудрая мать о Худой-Боле и кольце Магомета.

И решил Искандер освободить землю от шайтана. Он пошел на Иссык-Тау, где жил праведник, чтобы взять кольцо у него.

Он шел очень долго. Много раз всходило солнце. Много раз рождалась и умирала луна, прежде чем подошел Искандер к подножью Иссык-Тау.

Услышал он плач громкий и безутешный. Пошел по направлению плача и нашел пещеру Худой-Болы.

Он долго стучался в двери, но не отпирал праведник, потому что отвратил лицо свое от людей трусливых и жалких, лежащих, как черви, под пятой шайтана и не решающихся попробовать освободиться.

И до тех пор, пока Искандер не крикнул ему, зачем он пришел, не открыл ему двери праведник. А когда крикнул Искандер, то крик его слышали и праведник, и сорока, летевшая над ним.

Полетела сорока дальше и везде кричала, что скоро придет Искандер и освободит людей от шайтана.

Шайтан, услышав об этом, велел сделать засаду, и когда Искандер возвращался обратно с кольцом, то напали на него шайтановы слуги, отняли у него кольцо, а самого Искандера они удавили веревкой и глумились над его трупом.

Кольцо они заперли на пятьдесят замков в пещере на Кара-Тау.

Заплакал пуще прежнего Худой-Бола, узнав о случившемся. В гневе он проклял сороку и лил слезы, думая, что никогда больше не освободится земля от шайтана.

И без погребения оставили слуги шайтана тело Искандера, и ветер и вороны не оставили костей его.

Через десять лет вырос брат Искандера – Ленин. Мать рассказала ему о шайтане, о Худой-Боле, об Искандере и кольце. Воспылал Ленин гневом против шайтана и жалостью к угнетенным шайтаном.

Пошел Ленин к Худой-Боле на Иссык-Тау. Худой-Бола дал ему кольцо, а чтоб не поймали Ленина слуги шайтана, сам его провел по другой дороге.

Пришел Ленин и стал с помощью кольца бить шайтана – и в один год свергнул его власть. Рабы утерли свои слезы и с удивлением смотрели на Ленина, которого не мог победить шайтан.

Когда Ленин сверг шайтана, он по белой лестнице ушел вверх, покинув на земле свое тело.

Скоро проснётся Ильич

Вятская сказка

Вот сидит один раз Ленин у себя в комнатке после обеда и разные книжки и газеты почитывает. Только в какую газету ни заглянет, какую книжку ни раскроет, все про себя чтение находит: «Дескать, что нам перед Антантой страшиться, что перед Америкой бояться, когда у нас есть Владимир Ильич Ленин». Чудно стало Ленину. Встал он со стула венского, походил по комнатке и говорит сам себе: «Ладно, так и сделаю». А после того посылает своего посыльного к главному советскому доктору. Приходит доктор, а Ленин ему и говорит:

– Можешь сделать так, чтобы я умер, только не совсем, а так, для виду?

– Могу, Владимир Ильич, только зачем же это?

– А так, – говорит, – хочу испытать, как без меня дела пойдут. Чтой-то все на меня сваливают. Во всяком деле мной загораживаются.

– Что ж, – отвечает доктор, – это можно. Положим тебя не в могилу, а в такую комнату просторную, а для прилику стеклом накроем, чтобы пальцем никто не тыкал, а то затычут.

– Только вот что, доктор, чтобы это было в пребольшом

промежду нас секрете. Ты будешь знать, а да еще Надежде Константиновне скажем.

И скоро объявили всему народу, что Ленин умер. Народ заохал, застонал, коммунисты тоже не выдержали – в слезы. Все думают, сердцем трупыхаются: что теперь делать будем? Того и гляди, англичане с французами присунутся. А самый старший – Калинин Михайло – уговаривает:

– Что же поделаешь. Это не в нашей власти... Слезами горю не поможешь. Ну, поплакали малость, ну и ладно, за дело надо браться.

Положили Ленина в амбаришко, марзолей называется, и стражу у дверей приставили. Проходит день, два... неделя, месяц – надоело Ленину лежать под стеклом. Вот один раз ночью выходит он потихоньку задней дверью от марзолея и прямо в Кремль, в главный дворец, где всякие заседания комиссарские. В дверях его пропустили, потому в кармане у него пропуск бессрочный лежал, а шапку он надвинул пониже, чтобы не узнали. Приходит туда Ленин, а заседания уже все закончились, и служители полы подметают. Ленин спрашивает:

– Кончилось?

– Кончилось.

– Не знаете, о чем говорили?

– Да о разном... Слышь, англичане с нами хотят подружиться, а там еще какие-то державы. Мы ведь в щелку слушали, краем уха... не поняли.

– Так, так, а про Ленина не поминали?

– Как же, поминали... Вот, говорят, Ленин умер, зато коммунистов-то чуть не в два раза больше стало. Теперь только пикни антанта.

– А она не пищит?

– Да покуда, в час молвить, не слышать.

– Так, так, – поддакнул Ленин и простился со служащими.

Пришел он в марзолей, лег под стекло, думает: «А ведь ничего, работают и без меня. Ладно. Проверю еще кое-где... Завтра к рабочим на завод схожу». На другую ночь отправился Ленин на завод. Там его тоже не задержали, прямо в машинную часть провели. Ночью народу на заводе мало, только-только чтобы пары не затухали, держат машиниста, смазчика да кочегара, сторожей еще, чтобы шпионы чего не подсудобили. «Хватит и этих, – думает Ленин, – мне ведь не митинги разводить, только поспросить кой о чем».

– Здравствуйте, товарищи.

– Здравствуй.

– Ну как?

– Да ничего... Сходственно.

– Беспартийные?

– До смерти Ленина в беспартийных ходили, а теперь в коммунистах. Ленинцы.

Ленину это по сердцу маслом.

– А в работе задержки нет? А товаров много выпускаете?

И начал, и начал вопросами донимать.

– Да скоро с мирным временем сравняемся.

– Ну, работайте, работайте, в час добрый, а пока простояйте.

«Тут ладно, – думает Ленин по дороге в марзолей, – теперь только мужиков проведать, узнать про их житье-бытье!» На третью ночь Ленин встал раньше: ведь дойти до станции, да дорога, да еще, пожалуй, от глухой станции до деревни пешком идти придется. В деревню он поехал в какую похуже, чтобы наглядней было. В одной избушке огонек светился. Пошел Ленин.

– Можно отдохнуть у вас?

– Заходи.

Входит Ленин и диву дается. Икон нет. Красные плакаты везде. Портреты. Ленин нарочито спрашивает:

– Вы что же, некрещенные?

– Мы, товарищ, в гражданах состоим, а в нашем доме читальня, а это вот – уголок Ленина.

«И тут помнят меня», – думает Ленин.

– Ну, а как житье-то мужицкое?

– Да не так чтоб уж очень, а все-таки вроде как налаживается. Теперь, слышно, к деревне не задом, а лицом повернулись.

Ленин-то давно про смычку говорил своим коммунистам, ну вот теперь, видно, задумали сомкнуться, давно бы пора. Вышел Ленин из избы радостный, в марзолей лег успокоен-

ный, спит вот уже много дней после своих странствований. Теперь уже, наверное, скоро проснется. Вот радость-то будет.

Ни словами не расскажешь, ни чернилами не опишешь.

Ленин и Кучук-адам

Таджикское сказание

Недавно было это. Еще живы все люди, которые помнят тяжелые дни. Земля окуталась плащом невзгод и горя. Стонали люди под ярмом богачей, лили слезы и жаловались степи солнцу и звездам на земной произвол.

Тогда на земле появился Ленин, и сказали степи солнцу и звездам:

Вот он, чья рука создаст новый мир!

Ледяными от ужаса стали сердца богачей, когда услышали они о Ленине. Собрали они совет и подлыми языками лили яд в уши друг другу и шептали:

– Надо убить Ленина.

Был на земле злой колдун Кучук-адам. Сердце его давно поросло отвратительной коростой злобы и бесчестья.

Позвали его на совет богачи и сказали:

– Кучук-адам! Ты помогал нам властвовать, и мы награждали тебя. Ты помогал нам убивать и грабить, и мы награждали тебя. Помоги нам уничтожить Ленина, и мы выстроим тебе золотой дворец, осыпем его алмазами и поселим в нем сорок четыре девушки, равных которым по красоте не видала земля и которых ты возьмешь себе в жены.

Кучук-адам ответил:

– Дайте мне сто таких дворцов, четыре тысячи четыреста жен, дайте мне десять тысяч рабов, наполните мои подвалы алмазами, наполните стадами мои земли, дайте мне сто тысяч танапов виноградников, и я убью Ленина!

Богачи дали все это Кучук-адаму и прибавили каждый от себя по перстню, и один перстень, подаренный Кучук-адаму Кара-адамом, имел силу делать носителя его невидимым.

Вышел Кучук-адам с совещания и пошел домой. Дома раскрыл он черные книги, жег волшебные травы, а после убил ребенка и, смешав его кровь с пеплом от трав, прочитал слова из черной книги и стал смотреть в кровь.

И кровь показала ему горы, долины, ущелья и пещеры и там Ленина, который легкой поступью ходил и искал кизыл-таш и ок-таш. Кизыл-таш нужен был ему для борьбы, а ок-таш – для счастья.

Затрепетало сердце Кучук-адама, – испугался он, что Ленин найдет камни и будет непобедим.

Приказал Кучук-адам подать ему коня, быстрого, как вихрь, подать ему меч и пояс богатыря Али. Запер он дверь в черную комнату пятью замками и помчался в горы.

А Ленин ходил по горам, ущельям и пещерам и увидел в одном ущелье на дне ручья кизыл-таш и ок-таш.

И когда хотел Ленин достать их, на него напал невидимый Кучук-адам, схватил Ленина поперек тела и бросил его на камни.

Но отшвырнул ногой Ленин Кучук-адама, и завязалась

между ними борьба.

Гремел гром. Горы кидали камнями направо и налево, надеясь хоть случайно задеть Кучук-адама. Молнии сыпались дождем, но Кучук-адам спрятался за спину Ленина и был неуязвим.

Изнемогал уже Ленин в тяжелой, неравной борьбе, и пот крупными каплями капал с его лба.

И одна капля случайно упала на руку Кучук-адаму и прожгла его руку насквозь. Взмахнул от боли рукой Кучук-адам, кольцо слетело с его руки, и стал он видимым.

Обратили на него ярость свою горы и тучи, били его камнями, жгли молниями, и пал Кучук-адам, погребенный под скалами.

Снял с Кучук-адама Ленин пояс богатыря Али, достал кызыл-таш и ок-таш и пошел по горам освобождать землю.

Горы давали тень ему от зноя, и солнце умерило пыл свой и не накаляло камней, чтобы не жгли они ноги Ленина. Когда он хотел пить – небо проливало дождь, когда он хотел есть – барсуки приносили ему пищу и джейраны давали ему молоко.

Так шел он пять дней и остановился поспать в одном ущелье.

Когда он заснул, очнулся Кучук-адам, лежавший у ручья, и, собрав стаю демонов, обманул бдительность гор и пошел убивать Ленина.

Горы не заметили его. Он пронесся над горами. Небо спа-

ло и не заметило его. Но заметил его маленький воробей. Он напряг всю силу своих слабых крыльев и полетел к Ленину быстрее ветра предупредить его об опасности.

Он прилетел раньше Кучук-адама, предупредил Ленина – и упал мертвым.

Ленин разбудил горы, натер меч свой поясом Али, и стал меч тяжелым и огненным, а когда налетела на него черная стая, то горы сдвинулись и образовали крышу, и некуда было бежать демонам, а огненный меч разил их и жег.

Пали все демоны в этом ущелье, а Кучук-адам, превратившись в червяка, прополз в щель между гор и убежал от гнева Ленина.

Когда утром взошло солнце и растопило мрак в ущелье, нашел Ленин среди трупов демонов труп маленького воробья, зарыл его в землю и, поцеловав могилу, сказал горам:

– Воздвигните над телом его гробницу великую и великолепную, ибо мало было тело его, но велик дух, и жизнь свою он отдал за общее счастье.

Сдвинулись горы над могилой воробья, и ушла гробница, равной которой не было ни у кого, вершиной за облака и рассказала тучам о смерти воробья.

Тучи, собравшись около вершины, слушали и плакали, что умер в маленьком теле великий и сильный дух.

Дальше пошел Ленин, а Кучук-адам, забежав вперед, перегородил дорогу ему саем.

Отравил он воду в саях и думал:

«Коснется Ленин воды и умрет, пораженный ядом».

Но Ленин подошел к саю и бросил в воду палку. Палка сгорела, сожженная ядом, а Ленин крикнул орлов, и перенесли они его через сай.

Кучук-адам, увидевши неудачу, побежал вперед и, дождавшись, когда Ленин лег спать под горой, забрался наверх и хотел сверху сбросить трехпудовый камень на голову Ленина.

Но камень спустился вниз тихо, лег около головы Ленина и стал мягким, как пух. И положил Ленин камень под голову вместо подушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.